

*Павел Полх
(Калининград)*

Н. М. КАРАМЗИН И «ВИЗАНТИЙСКАЯ ВЕРСИЯ» ПРОИСХОЖДЕНИЯ РОССИЙСКОГО ГЕРБА

Рассматривается утвердившаяся в современном общественном сознании версия появления на российском гербе двуглавого орла благодаря браку великого московского князя Ивана III с представительницей византийской императорской династии Софьей Палеолог. Дается оценка вклада Н. М. Карамзина в оформление и обоснование данной версии, ее критические оценки с позиций современной науки и объяснение ее жизнеспособности в нынешнее время.

Ключевые слова: геральдика, Н. М. Карамзин, государственная символика России, историография российской истории

Выдающийся русский историк Николай Михайлович Карамзин, снискавший славу «последнего летописца», не мог не отметить и в такой сфере научного знания, как специальные (они же вспомогательные) исторические дисциплины, или, как их было принято называть, — в «науке древностей». Основанием так считать служат две причины. Во-первых, Николай Михайлович стремился мобилизовать все возможные источники для своих исторических построений и дать им соответствующую оценку. Во-вторых, пишущие о становлении российских нумизматики, сфрагистики, генеалогии или геральдики вряд ли могут пройти мимо подобной величины. Даже если вклад не очень значителен, вне Карамзина оценка любого факта из русской истории до конца XVII века в историографии начала века XIX представляется неполной.

Безусловно, Н. М. Карамзин не был геральдистом, поскольку далеко не все издания по отечественной дворянской или земельной геральдике его упоминают. Однако, когда речь заходит о государственной символической в связи с историей великорусской государственности,

обратиться к оценкам «Колумба российской древности» все же следует. Ведь именно Николай Михайлович указал на печать Ивана III к жалованной грамоте 1497 года волоцким князьям [2, с. 121; 10, с. 69], на которой наряду с изображением всадника, поражающего змея копьем, изображался двуглавый орел.

Собственно, вся версия происхождения укладывается в сделанное в шестом томе «Истории государства Российского» заявление о том, что «Иоанн, по свойству с царями Греческими, принял и герб их, орла двуглавого, соединив его на своей печати с Московским» [3, т. 6, с. 71–72], а также сопровождающий этот текст комментарий (№ 98): «Великий князь начал употреблять сей герб с 1497 г.; до 1472 на печати его изображались Ангел, держащий в руке копье и человек с обнаженным кинжалом; а с сего времени до 1497 г. лев, терзающий змею: работа греческая, и, как вероятно, подарок Софиин» [3, прим. к т. 6, с. 29]. Отметим, однако, что здесь мы сталкиваемся с ситуацией, когда «словам тесно, а мыслям просторно». Во-первых, изображения на печатях признаются гербами, причем касается это и московских печатей до Ивана III, то есть сфрагистическому материалу придается больший вес, чем просто идентификация автора документа и придание грамотам юридической силы. Во-вторых, Н. М. Карамзин настаивает на том, что уже в 1472 г. (год заключения брака великого московского князя с Софьей Палеолог) появились основания претендовать на нечто большее, чем просто верховенство среди русских князей, что и было оформлено принятием герба «царей Греческих» четверть века спустя. В-третьих, убежденность в том, что двуглавый орел — это именно герб Римской империи.

Последнее, впрочем, не какое-то новшество для нарождавшейся российской исторической науки: еще В. Н. Татищев в свое время обратил внимание на указания хроники Соловецкого монастыря на связь брака Ивана Великого с Софьей с заимствованием двуглавого орла [7, с. 132], причем соединил это заимствование со стремлением Рюриковичей «вывести» свой род от Римских кесарей. На это же указывал в «детском атласе» в 1768 году Ф. Г. Дильтей, заявляя о матримониальном гербе кесаря Августа, попавшем путем брачной связи в Россию [7, с. 134]. Сама же печать была обнаружена в 1767 году Н. Н. Бантыш-Каменским [7, с. 135] и лишь в 1788 году опубликована Румовским. Получается, наш «последний летописец» лишь добавил органичное доказательство к римской версии двуглавого орла.

Тем не менее встает еще одна интересная проблема: двуглавый орел к середине XV столетия прочно обосновался на гербе Максими-

лиана Габсбурга — императора Священной Римской (Австрийской) империи. История о том, как Габсбург предлагал Ивану III принять из своих рук корону, а тот отверг такое предложение, подчеркивая собственное «самодержавство», общеизвестна. Отверг ли тем самым московский государь «римского» орла? Очевидно, нет, поскольку двуглавый орел австрийский и орел московский в равной степени должны были восходить к древнеримской государственной традиции. Это хорошо понимал, по мнению Н. М. Карамзина, и Иван Грозный — в комментарии (№414) к девятому тому «Истории...» приводится выдержка из послания первого русского царя: «А что писал еси о Римского царства печати, и у нас своя от прародителей наших; а Римская печать нам не дико: мы от Авг. Кесаря родством введемся» [3, прим к т. 9, с. 144]. Как известно, претензии Ивана Грозного выразились в том, что в 1562 году «московский всадник», поражающий змея копьём, занял место на груди двуглавого орла, что подчеркивало его подчиненное положение (на печати Ивана III надпись начиналась по кругу изображения всадника и завершалась вокруг орла, находившегося, таким образом, на оборотной стороне). Но в данном случае важно не это, а другое: и Иван Грозный, и историки от В. Н. Татищева до Н. М. Карамзина не видели противоречия в том, к какому наследию относится двуглавый орел — византийскому или западному, все равно он восходит к некогда единой Римской империи. В конце XX столетия дилемма «византийское или западное» будет уже принципиальной, и карамзинская ремарка по поводу греческого герба будет значить больше, чем передача претензий Ивана Грозного.

В XIX же веке влияние Н. М. Карамзина на общественное сознание в целом и на отдельных интеллектуалов, именно с его «Истории государства Российского» начинавших знакомство с прошлым Родины, было столь велико, что версия о византийском заимствовании двуглавого орла рассматривалась как само собой разумеющееся. Среди этих интеллектуалов обязательно надо отметить А. Б. Лакиера — автора «Русской геральдики» — первого самобытного труда, описывающего весь имевшийся к середине XIX века сфрагистический и гербовый материал в систематическом порядке. Всячески доказывая самобытность (а не подражание западным образцам) многих дворянских гербов, Лакиер полностью принял заимствование двуглавого орла через брак с греческой царевной, сделав необходимые ссылки на «Историю...» Н. М. Карамзина [6, с. 139, 142]. Логическим итогом исторических представлений XIX века стало празднование 400-летия российского герба в 1897 году, инициированное Академией наук.

Вместе с тем отечественная геральдика не стояла на месте, и сомнениям подвергались и самые авторитетные мнения. Наиболее ярко здесь звучат слова признанного специалиста в области отечественных вспомогательных исторических дисциплин Н. П. Лихачева (убежденного, что матрица печати с двуглавым орлом возникла не ранее августа 1490 г. [7, с. 405]) о том, что Византийская империя не имела герба в европейском значении этого понятия [1, с. 128], а значит, и России заимствовать было нечего. Не забудем, однако, что и в начале XX века речь шла не об историческом памятнике: двуглавый орел был доминантным изображением на гербе Российской империи и даже республики, во многом благодаря указанию П. Н. Милюкова, что орел — национальный, а не династический символ.

Декретом Совнаркома от 24 июля 1918 года использование двуглавого орла было официально запрещено [1, с. 351] (хотя на деньгах «керенках» он присутствовал до появления «совзнаков»), общественный да и научный интерес к нему пропал как к символу отвергнутой эпохи. Лучший, если не единственный советский учебник русской сфрагистики и геральдики Е. И. Каменцевой и Н. В. Устюгова рассматривал печать 1497 года (с указанием, что она привешена еще и к грамоте 1504 года) не более как исторический источник, как, в общем, и предшествующие княжеские печати: констатируя факты эволюции изображений с соответствующими комментариями (включая указание на то, что двуглавый орел — символ двуединства Римской империи [2, с. 122]).

Так уж получилось, что возвращение главного труда Н. М. Карамзина широкой общественности, когда в 1987–1988 годах журнал «Москва» публиковал «Историю...» без комментариев, предварило в какой-то степени дискуссию о возвращении государственной российской символики. Возрождение российского триколора фактически происходило в борьбе за утверждение в обществе демократических ценностей, символом которых для многих и стало бело-сине-красное полотнище. В тогдашней ситуации вопрос о том, следует ли возвращать царский герб, для большинства рассматривался как абсурдный [1, с. 506]. Однако в 1992 году орел без царских регалий стал эмблемой Банка России и занял свое место на банкнотах. В тот короткий исторический период последних трех месяцев 1993 года, когда в стране не было никакой представительной власти, указом президента РФ от 30 ноября 1993 года золотой двуглавый орел с тремя коронами, скипетром и державой, со всадником на груди, помещенный на красный геральдический («французский») щит, был объявлен государственным

ным гербом России. То, что герб принимался в спешке, не было никаких сомнений. Оставалось две недели до референдума по Конституции РФ, согласно которой герб (как и флаг с гимном), утверждались федеральными конституционными законами, принятие которых могло растянуться на длительный срок (как и получилось — эти законы приняла лишь третья Государственная дума уже при следующем президенте). Поэтому Б.Н. Ельцину и его окружению казалось принципиальным заменить серп и молот в обрамлении колосьев на исторический герб. В данной ситуации мало кого волновало, что золотой орел на красном фоне никогда в качестве герба не использовался, хотя в теоретической геральдике имеют значение и меньшие мелочи, не говоря уже о коронах, скипетре и державе.

Само собой разумеется, появление нового символа не могло не повлечь за собой всплеск научных и общественных дискуссий, который возобновлялся в 1997 году в связи с 500-летним юбилеем орла на печати и принятием федеральных конституционных законов от 25 декабря 2000 года о государственных символах России. Естественен вопрос: а при чем здесь Н.М. Карамзин? Во-первых, если говорить о научной составляющей дискуссий, то мимо подобного авторитета пройти уже было невозможно. К тому же первостепенным становился вопрос о происхождении двуглавого орла, по которому «последний летописец» высказался вполне определенно. Во-вторых, для широкой общественности куда принципиальнее звучит вопрос о том, что символизирует и чей это символ, и мнение Н.М. Карамзина было как никогда весомым.

Первая половина и середина 1990-х годов были временем, когда спрос на обобщающие исторические труды (по возможности написанные удобным для чтения языком) был крайне высок и у студентов и молодых преподавателей, и у абитуриентов, и у школьных учителей. Существовавшие школьные и вузовские учебники либо воспринимались как морально устаревшие, либо были настолько новаторскими, что не давали возможности получить систематические представления об отечественной истории (не говоря уже о сдаче вступительных экзаменов). Поэтому переиздание дореволюционных и эмигрантских авторов, а иногда и переводной литературы (когда речь шла об истории после 1917 года), вполне оправдывало себя экономически, и Н.М. Карамзин был переиздан многократно: благо традиция, начатая журналом «Москва» (издавать без комментариев), позволяла уместить 12-томную «Историю...» в три-четыре тома.

Конечно, переиздавался не только Карамзин, и ценители геральдики могли почерпнуть для себя немало интересного из изданной 100-ты-

сячным тиражом книги офицера-эмигранта, инвалида Первой мировой войны В. С. Новикова, посвященной «прерванному 445-летнему полету двуглавого орла» [8, с. 19]. На ее страницах дается подробный рассказ с соответствующими рисунками (без ссылок) о том, как орел то поднимал, то опускал крылья в зависимости от побед и поражений в XVI—XVII веках, а затем становился еще более величественным. Но указание на 445-летнюю эволюцию, завершившуюся в 1917 году, выводит на дату 1472 года, то есть брак Ивана и Софьи, что должно приниматься без возражений.

Конечно, у серьезных специалистов в области геральдики проблематика исследований выглядела по-другому. Нельзя было пройти мимо версии Густава Алефа, впервые предложенной в 1966 году [11, с. 25], о том, что двуглавый орел — это претензия на равнозначность Ивана III Максимилиану Габсбургу (одноглавый орел — герб королей, то есть князей, а двуглавый — императоров и самодержцев). В принципе, ничего крамольного здесь не было (вспомним Ивана Грозного, «наследника» Кесаря Августа), если бы не прямое западное влияние взамен на византийскую ориентацию. Версия всерьез не прижилась, если не считать учебника для профильной старшей школы А. Н. Сахарова и В. И. Буганова [9, с. 185]. Более того, А. Л. Хорошкевич даже обмолвилась о том, что «неважно, каким ветром занесло к нам двуглавого орла» [1, с. 140]. Выдвигалась даже черногорская версия происхождения с «ориентацией на Византию» [4, с. 136]. Исследования иконографии печати позволили Н. А. Соболевой уточнить дату создания (26 августа 1490 года) матрицы печати и определить, что она была творением итальянских мастеров [10, с. 98]. Включившаяся в дискуссию венгерская исследовательница М. Аттагош определила дату ее создания не ранее 1493 года и указала, что заимствован орел был не напрямую из Германии, а посредством ряда латинских семейств [7, с. 407]. К этому можно добавить исследования появления двуглавой птицы в европейской геральдики и древневосточной символике.

За очевидной дихотомией «западное — незападное» в вопросе происхождения российского двуглавого орла версия о прямом заимствовании изображения в связи с браком великого князя и византийской империи отошла на второй план и перешла в разряд историографических фактов, связанных в том числе с Н. М. Карамзиным. Известный исследователь российского средневековья В. А. Кучкин отметил, что Карамзин, говоря о печати-гербе, перенес представления своего времени с претензиями в балканской политике [5, с. 86]. Однако это позиция современной исторической науки, и если бы речь шла о давно за-

бытом символе (например, единороге на гербе времен Ивана Грозного), дискуссии можно было бы считать закрытыми. Однако двуглавый орел – центральное изображение на государственном гербе, многократно воспроизводимое на банкнотах, эмблемах федеральных служб и агентств, печатях федеральных учреждений и документах об образовании, гражданском состоянии, удостоверениях... Поэтому налицо зафиксированный О.Н. Наумовым разрыв между «инвариантным ядром и достижениями современной геральдики» [7, с. 353] во всех ее разделах (включая государственные, городские и дворянские гербы); ситуация, когда комментировать геральдические изображения в свете своих исторических и общественно-политических представлений берутся очень многие. И проблема здесь не столько в историческом дилетантстве, сколько в желании поставить историю (и вообще науку) на службу формирующимся идеологическим представлениям.

Очевидно, что принятие трех федеральных конституционных законов на рубеже веков стало результатом определенного компромисса: царский (пусть и с поправками) исторический герб; флаг, который в XX веке был не только национальным стягом, но и символом борьбы с большевиками; и гимн на музыку А.В. Александрова, многократно менявший текст, но изначально славивший большевистскую партию. Естественно, в XXI веке достаточно сил, которых такой расклад не устраивает и которые хотели бы это равновесие сместить в «правильную» сторону. Поэтому, как это ни странно, именно Н.М. Карамзин может выступать в роли защитника современного российского герба (самого древнего из трех государственных символов), поскольку византийская версия его происхождения все же защищает герб от попыток сделать его более самобытным и идеологически выраженным.

Список литературы

1. *Герб и флаг России X–XX вв.* М., 1997.
2. *Каменцева Е.И., Устюгов Н.В.* Русская сфрагистика и геральдика. М., 1974.
3. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. СПб., 1818–1821.
4. *Королев Г.И.* Четыре тезиса о происхождении русского двуглавого орла. // *Гербовед.* 1999. №38. С. 134–139.
5. *Кучкин В.А.* Великокняжеская печать с двуглавым орлом грамоты 1497 г. // Там же. С. 72–91.
6. *Лакиер А.Б.* Русская геральдика. М., 1990.
7. *Наумов О.Н.* Научная геральдика России. М., 2013.

8. Новиков В.С. Русский государственный орел. Мистерия 445-летней исторической эволюции. М., 1991.

9. Сахаров А.Н., Буганов В.И. История России с древнейших времен до конца XVII века. М., 1995.

10. Соболева Н.А. Гербы российских городов. М., 1998.

11. Соболева Н.А. Российская государственная символика. История и современность. М., 2002.

Pavel Polkh

**N. M. KARAMZIN AND THE "BYZANTINE VERSION"
OF THE ORIGIN OF THE RUSSIAN COAT OF ARMS**

The article dwells on the long-established popular version of the "Byzantine" origin of the Russian state emblem: the image of the double-headed eagle is allegedly associated with the marriage of the Great Prince of Moscow Ivan III and Sophia Palaeologus, successor to the Roman and Byzantine Empires. N. Karamzin's role in promoting and substantiating this version is considered, alongside discussing the longevity of this hypothesis and a critical attitude to it from the point of view of contemporary historiography.

Key words: *heraldry, N. M. Karamzin, state symbols of Russia, historiography of Russian history.*